

Мальчик лобастый Павел

[Знакомство](#)
[Интервью, которого не было](#)
[Дружба](#)
[Романтика](#)
[Поэт и власть](#)
[Земшарная Республика Советов](#)
[Немного о патриотизме](#)
[Бой](#)
[Времянин](#)
[Слово автору](#)

Знакомство

Не люблю юбилеи. Всплеск внимания, суета, здравицы. И снова в небытие. Погибшему в 1942 г. Павлу Когану было 24 года...

Начало 90-ых, весна, Сумская улица, уставленная книжными лотками. Среди пестроты обложек одна хлестнула необычной сдержанностью: на чёрном большими белыми буквами имя и ниже, мелкими - название.

Взял тонкую книжицу, быстро пролистал предисловие и вдруг:

Разрыв-травой, травой-повиликой
Мы прорастём по горькой, по великой,
По нашей кровью политой земле...

А ещё через несколько страниц:

Так прощаемся мы с серебристою,
Самую заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

Когда-то знаменитая «Бригантина», почти неизвестная моему поколению... Заплатив какие-то копейки, я стал обладателем подготовленной Комиссией по литературному наследию Павла Когана сборника «Гроза», издательство «Советский писатель», 1989 год [1].

Увековеченная ранней гибелью молодость его поэзии – отличный повод для беседы: с поэтом, читателем и самим собой.

Интервью, которого не было

Невозможно? Воображение взлетает на крыльях знания...

- Расскажите о себе...

- Родился в 1918 году в Киеве, в 1922 г. семья переехала в Москву. В 1936 г. поступил в Институт истории, философии и литературы (ИФЛИ), в 1939 году перешел в Литературный институт им. Горького на отделении поэзии, продолжая заочно учиться в ИФЛИ. Участвовал в поэтическом семинаре И. Сельвинского. Любил путешествовать: в школьные годы бродил пешком по центральной России, был в геологоразведочной экспедиции в Армении. Погиб на сопке Сахарная Голова под Новороссийском 23 сентября 1942 года.

* * *

Капитан непостроенных бригав,
атаман несозданных вольниц,
это я говорю — довольно!
Без истерик. Подпишем приговор.
Ваша сила! О чем тут спорить.
Без истерик! Без ставок на удаль.
Я не Ксеркс, я не выпорю море
и стрелять без толку не буду.
Представитель другого племени,
злыми днями в бездельники меченный,
я умею от поры до времени
расправлять по-мужскому плечи.

1936

- Ваш любимый цвет?

- Цвета моря и солнца: синий и голубой, золотистый и оранжевый:

В этих строках все: и что мечталось
И что плакалось и снилось мне,
Голубая майская усталость,
Ласковые песни о весне,
Дым, тоска, мечта и **голубая**
Даль, зовущая в далекий путь...

1934

* * *

Нынче окна
невозможно **синие**,
просто невозможная
шальная **синь**.
Удивляются деревья в инее,
что луну никто не снёс в Торгсин.
До того она сегодня **золотистая**,
до того **весёлым золотом** горит,

что стихи выходят неказистые
и куда-то к чёрту убегает ритм...

1935

- Любимое время года?
- Весна!

* * *

Весна разлилась по лужицам,
Воробей **по-весеннему** кружится,
Сосулька слезливо сосулится,
Гудит по-весеннему улица.

Эй, сердце, стучи **по-весеннему!**
Стучи же, стучи, строптивное!
Смерть всему тускло-осеннему!
Да здравствует всё красивое!....

1934

- Геометрическая фигура?
- Угол!

Я с детства не любил овал!
Я с детства **угол** рисовал!

„Гроза“, 20 января 1936

- Расстояние?
- Четыре шага.

* * *

Как Парис в старину,
ухожу за своею Еленой...
Осень бродит по скверам,
по надеждам моим,
по пескам...

На четыре простора,
на четыре размаха
вселенная!
За четыре шага от меня

неотступная бродит тоска.
Так стою, невысокий,
посредине огромной арены,
как платок, от волненья
смяв подступившую жуть...
Вечер.

Холодно.
Ухожу за своею Еленой.
Как Парис в старину,
за своею бедой ухожу...

Ноябрь 1936

...Современники садят сады.
Воздух в комнаты! Окна настезь!
Ты стоишь на пороге беды
За четыре шага от счастья.

Май 1936

(Меня поразили совпадения со знаменитыми строками А. Суркова

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти - четыре шага.

„В землянке“, 1942

Мог ли слышать Сурков стихи Когана (тот при жизни не публиковался [2])? Мог.
В клубе писателей на Воровского 50 или в ИФЛИ, где Павел часто выступал перед студентами. Сохранилась адресованная Павлу записка следующего содержания:
„Многоуважаемый тов. Коган! Мы, юнцы, просим Вас прочитать свои стихотворения. 1 курс“.
Сказать точнее, к сожалению, невозможно.[3]

Впрочем, может быть источник зловещих четырёх шагов намного старше и знаменитей?

"Теперь сходитесь".
Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
**Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.**

А.С.Пушкин «Евгений Онегин»
)

- Что презираете в людях?

- Мещанство.

...Ты знаешь, что **на свете нет**
Страшней, чем умные мещане.

Чем чаще этот род за нас,
Чем суть его умнее лезет,
Тем выше у меня цена
На откровенное железо.

- А что цените?

- Честность!

И фантастическую честность

С собой носили как билет
Чтоб после в возрасте известном,
Как корью ей переболеть.
Но, **правдолюбцы** и аскеты,
Всё путали в пятнадцать лет.
Нас **честность** наша до рассвета
В тревожный выводила свет.

„Первая треть“

- Во что Вы верите?

- В дружбу.

Я верю в дружбу и слова
Которых чище нет на свете.
Не многих ветер целовал,
Но редко ошибался ветер.
Я ветром мечен. Я ломал
Судьбу. Я путь тревогой метил.
Не многих ветер целовал,
Но редко ошибался ветер.

„Я верю в дружбу“, 1938

Дружба

Поговорим о дружбе. В наш век современных коммуникаций и социальных сетей слово «дружба» изрядно девальвировалось.

Сможете узнать подчёрк вашего друга? Или вспомнить последнее письмо, где делитесь своими тревогами и мечтами, наконец, просто говорите: «Мой дружище!»?

Посвящено Жоре Лепскому[4]

...А потом мы станем строги
На слова и на друзей,
На взволнованные строки
И при выборе путей.

Только знаю, коль придется
Снова увидеть друзей,
Вновь в глазах твоих зажжется
Радость этих теплых дней.

Снова руки мне протянешь,
Снова скажешь: «Дорогой,
Ты такой же, ты не вянешь,
Не поникнул головой».

Снова этот ветер свищет
Над тобой и надо мной.
Так ведь будет, **мой дружище,**
Мой товарищ дорогой.

1934

Кто же были его друзья? Вот имена некоторых из них.
Друзья детства Сергей Наровчатов (под его редакцией вышел первый сборник поэта) и Георгий Лепский (ему посвящено несколько стихотворений, автор музыки „Бригантины“) и друзья - соперники по перу: Михаил Кульчицкий (погиб в январе 1943 года), Борис Слуцкий, Давид Самойлов. Таких разных – их объединяло время...

Они нас выдумают снова -
Сажень косая, твердый шаг -
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.

*Лирическое отступление
(из романа в стихах „Первая треть“)
1939-1941*

Для поэта дружба – нечто основополагающее, без чего, как без солнца, немислим мир:

...Я приду через чужие страны,
Через песни дней и гром стихий,
Я приду, чтоб взять у океана
Смех и солнце, друга и стихи.

1934

Но разве мыслим мир без любви и романтики?

Романтика

Некоторые книги пахнут солёным ветром. И запах этот пьянил Павла с юности:

* * *

Девушка взяла в ладони море,
Море испарилось на руках.
Только соль осталась, но на север
Медленные плыли облака.

А когда весенний дождь упал
На сады, на крыши, на посевы,
Капли те бродячие впитал
Белый тополиный корень.

Потому, наверно, ночью длинной
Снится город девушке моей,
Потому от веток тополиных
Пахнет черноморской тишиной.

1938

А какие – тайны он не делал: разве и мы не грезили об алых парусах?

* * *

Снова месяц висит ятаганом,
На ветру догорает лист.
Утром рано из Зурбагана
Корабли отплывают в **Лисс.**

Кипарисами машет берег.
Шкипер, верящий всем богам,
Совершенно серьезно верит,
Что на свете есть Зурбаган.

И идут паруса на запад,
Через море и через стих,
Чтоб магнолий тяжелый запах
Грустной песенкой донести.

В час, когда догорает рябина,
Кружит по ветру желтый лист,
Мы поднимем бокал за Грина
И тихонько выпьем за Лисс.

1936

Почти всё, написанное Павлом, можно свести к одному слову: романтика. Её настрой менялся по мере взросления: беззаботная, мечтательная, любовная, созерцательная... И революционная: тема эта пронизывает всё его творчество – с убийственной наивностью и дикими мечтами. В последний раз слово «романтика» встречается в стихотворении, обращённом к жене поэта:

...А счастье живёт на пыльных дорогах,
Хохочет в толпе ребят,
Такое глазастое, такое строгое,
Похожее на тебя

И мне наплевать, что давно пора бы
Романтике моей умирать,
А я живу по свистящей параболе,
Как брошенный бумеранг.

1941

Изумительно одно из последних его лирических стихотворений «Лисонька»:

Лисонька

Ослепительной рыжины
Ходит лисонька у ручья,
Рыжей искоркой тишины
Бродит лисонька по ночам.

Удивительна эта рыжь,
По-французски краснеет – руж,
Ржавый лист прощуршит – тишь,
Можжевельник потянет – глушь.

Есть в повадке её лесной
И в окраске древних монет

Так знакомое: блеснет блесной,
И приглушенное: не мне.

Ходит лисонька у ручья,
Еле-еле звучит ручей.
Только лисонька та - ничья,
И убор её рыжий ничей.

Если сердит тебя намёк,
Ты, пожалуйста, извини -
Он обидою весь намок,
Он же еле-еле звенит.

Ноябрь 1940

И наконец, „Бригантина“ – одно из мнений выводит именно её родоначальницей авторской песни в Советском Союзе... По крайней мере, она стала неофициальным гимном студенчества 60-ых годов.

Бригантина

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса...

Капитан, обветренный, как скалы,
Вышел в море, не дождавшись дня.
На прощанье поднимай бокалы
Молодого терпкого вина!

Пьем за яростных, за непокорных,
За презревших грошовой уют.
Вьется по ветру веселый Роджерс,
Люди Флинта песенку поют.

Так прощаемся мы с серебристою,
Самою заветною мечтой,
Флибустьеры и авантюристы
По крови, упругой и густой.

И в беде, и в радости, и в горе
Только чуточку прищурь глаза, -
В флибустьерском дальнем синем море
Бригантина поднимает паруса.

Надоело говорить и спорить
И любить усталые глаза...
В флибустьерском дальнем море
Бригантина поднимает паруса...

1937

Музыка - Георгий Лепский

Но поэт вырослел – пора было определяться с отношением к обществу.

Поэт и власть

Был ли Павел лоялен к советскому режиму? Безусловно. Он был слишком мал, чтобы помнить ужасы гражданской войны, но воспитывался на её мифах. Чего стоят следующие строки:

...В степи седой да гололобой
Ночь отбивался продотряд

Вы шли мандатом и раздором,
Кричали по ночам сычи.
На всех шляхах, на всех просторах
„Максим“ республике учил.

Этот учитель ещё аукнется. И всё-таки...

Два эпитафия из Пастернака (первый – в 1937 году: в это время гонимый поэт затворился в Переделкино, где работает над переводами; его близкие друзья – грузинские поэты Паоло Яшвили и Тициана Табидзе в беде: первый покончит с собой, второй будет расстрелян по приговору «тройки» НКВД) и один из Н.Гумилёва (расстрелян по сфабрикованному ВЧК делу организации Таганцева) – кстати, тоже датирован 1937 годом!

В неоконченной поэме „Последняя треть“ есть совет (предсказание?):

...Без шуток. Если ты поэт
Всерьёз. Взаправду. И надолго.
**Ты должен эту сотню лет
Прожить по ящикам и полкам.**

А вот одно из моих любимейших:

Монолог

Мы кончены. Мы отступили.
Пересчитаем раны и трофеи.
Мы пили водку, пили «ерофеич»,
Но настоящего вина не пили.

Авантюристы, мы искали подвиг,
Мечтатели, мы бредили боями,
А век велел – на выгребные ямы!
А век командовал: «В шеренгу по два!»

Мы отступили. И тогда кривая
Нас понесла наверх. И мы как надо
Приняли бой, лица не закрывая,
Лицом к лицу и не прося пощады.

Мы отступали медленно, но честно.
Мы били в лоб. Мы не стреляли сбоку.
Но камень бил, но резала осока,
Но злобою на нас несло из окон
И горечью нас обжигала песня.

Мы кончены. Мы понимаем сами,
Потомки викингов, преемники пиратов:
Честнейшие - мы были подлецами,
Смелейшие - мы были ренегаты.

Я понимаю всё. И я не спорю.
Высокий век идет железным трактом.
Я говорю: «Да здравствует история!» -
И **головой падаю под трактор**.

5-6 мая 1936

Потомки и преемники. Современные донкихоты, последние в длинной цепи. О поколении отцов, знакомых с царской каторгой:

Здесь начинался тонкий оттиск,
Тот странный контур, тот наряд
Тех **предпоследних донкихотов**
Особый, русский вариант.

К счастью, донкихоты не переводятся. В эпоху всеобщего оболванивания, вытравления индивидуальности, Павел сам выбирает друзей и идеи, за которых готов сражаться – их Коган выразил с беспощадной ясностью...

Земшарная Республика Советов

А за нами женщины наши,
И годы наши босые,
И стихи наши,
И юность,
И январские рассветы.
А леса за нами,
А поля за нами -
Россия!
И наверно, **земшарная Республика Советов!**

Письмо (Жоре Лепскому) декабрь 1940

Да, именно так им это виделось. И в недалёком будущем! Мальчишки готовились к бою.

...Я слушаю далекий грохот,
Подпочвенный, неясный гуд,
Там поднимается эпоха,
И я патроны берегу.
Я крепко берегу их к бою.
Так дай мне мужество в боях.
Ведь если бой, то я с тобой,
Эпоха громкая моя...

Вступление к поэме «Щорс», 1937

Невытравимо-мужское, умилитесь вы? Да, наверное. Через пару десятков лет мы услышим у Высоцкого:

...Все, от нас до почти годовалых,
Толковищу вели до кровянки,
А в подвалах и полуподвалах
Ребятишкам хотелось под танки...

Баллада о детстве

Но тут Коган выдаёт знаменитые строки, во многих изданиях изъятые цензурой:

**Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.**

*Лирическое отступление
(из романа в стихах «Первая треть»)*

Недаром зовут индийцы Ганг священной рекой: всем хочется в нём вымыть ноги...
Кстати, заблуждается решивший, что сияющая от Японии до Англии родина оставляла бы неосвещёнными пятнами Южную Америку, Австралию и Антарктику: Япония–Англия, Я-А, А-Я! От А до Я – значит, весь земной шар!

Когда же виделся Павлу этот грядущий бой? Попытаемся ответить:

Мальчишки в довоенных валенках,
оглохшие от грома труб,
восторженные, злые, маленькие,
простуженные на ветру.

Когданибудь **в пятидесятых**
художники от мук сопреют,
пока они изобразят их,
погибших возле речки **Шпрее**.

«Первая треть», 1939–1941

КАКОЙ город лежит на Шпрее – думаю, напоминать не надо. Но это о художниках. А мальчишки - можно ли уточнить? Да:

Во имя юности нашей суровой,
Во имя планеты, которую мы
У мора отбили,
Отбили у крови,
Отбили у тупости и зимы.

Во имя войны сорок пятого года....

«Ракета» август 1939

И они дождались: «освободительные» походы 1939-41 годов. И вот новые строки:

Вот и мы дожили,
Вот и мы получаем весточки
В изжеванных конвертах
С треугольными штемпелями,...

Письмо (Жоре Лепскому) декабрь 1940

А потом грянула война. Здесь я хочу процитировать Л.А.Гаряева (в то время – студента ИФЛИ):

«22 июня мы готовились к последнему экзамену и часов около двенадцати услышали во дворе необычный шум. Мой товарищ, увидев, что двор общежития забит студентами, как-то удивительно спокойно сказал: «Ну, значит, война». Он включил радио — и мы услышали выступление председателя Совнаркома В.М. Молотова. Мы, конечно, направились в институт. Там уже вовсю шел митинг. Никогда в жизни не приходилось мне слышать более мощного и проникновенного звучания «Интернационала» и широко известной в те годы песни Ганса Эйслера «Заводы, вставайте!». Помню, как **Павел Коган, автор знаменитой «Бригантины», провозгласил: „Да здравствует Советская Германия!“** [5]

«После митинга стали составлять списки добровольцев и затем толпой двинулись к райвоенкомату. Подходим: у подъезда земля усеяна вырванными из военных билетов листками. Это постарались студенты, не хотевшие воспользоваться правом на отсрочку от призыва.»

Так понимали они долг перед Родиной и суть патриотизма. Кстати, о нём.

Немного о патриотизме

Но только вдруг я понял сразу,
Какое счастье мне дано –
Простор
От Коми до Кавказа
Считать родною стороной.

У Черноморья по лиманам
Следить, как звезды проплывут.
**И эту ясность пониманья
Обычно гордостью зовут.**

«Шуя – Ярви» Март 1939

Гордость и ясность: в этом весь Павел!

Как на распаханном рассвете
Ты слезы вытерла с лица.
Так мир устроен –
Дым и ветер,
Размах и ясность до конца.

1937

В другом месте Павел роняет также ставшие знаменитыми строки:

Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они украсят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!..
**И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я – патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю..**

*Лирическое отступление
(из романа в стихах «Первая треть»)*

Об эти строки вытерло ноги не одно поколение негодяев, отказывая мёртвому поэту в праве любить родину: еврей...

Поразительно, но я не нахожу в стихах Павла НИКАКИХ еврейских мотивов. Даже полностью ассимилированные еврей-поэты всё равно проговаривались, а здесь – ничего. Из-за того, что умер совсем молодым?

Более «респектабельные» адепты «патриотического» течения указывают на некую двойственность, ведь именно после признания в любви к земле русской следуют строки о Родине от Японии до Англии! Именно так: не «Родина слонов», не «Третий Рим», а любимый уголок земшарного общежития – такой понимали Павел и его друзья Россию.

Евгений Евтушенко написал [6]:

«До слез больно читать эти обманутые историей надежды мальчиков поколения Когана - протянуть "худенькие руки людям коммунизма". Невольно вспоминается: "но кто-то камень положил в его протянутую руку»

Но надежды ещё не обмануты – мальчики делают выбор сами:

О, **мы языков не учили**,
зато известны были нам
от Индонезии до Чили
вождей компартий имена.

«Первая треть», 1939-1941

Ирония судьбы в том, что именно немецкий язык стал главным оружием Павла...

Бой

Военная судьба Павла очерчена двумя документами, написанными языком отнюдь не романтическим:

Выписка из приказа №171 от 10.10.1941 по Литературному институту:
студента 4 – курса Когана П.Д. числить в отпуске до возвращения из Красной Армии.

И год спустя:

...Извещение от 25.10.1942:

Техник - интендант 2 ранга Коган Павел Давыдович уроженец гор. Москва, ул Правды дом № 1/2 кв. 132 в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге проявил героизм и мужество, был убит 23 сентября 1942 года. Похоронен сопка «Сахарная» гор. Новороссийск....

С самого начала войны Павел безуспешно пытается попасть в армию (из-за плохого зрения снят с военного учета), но получает отказ. Неожиданный выход: краткосрочные курсы военных переводчиков при военном факультете 2-го Московского государственного педагогического института иностранных языков (МГПИИЯ). А вот его друга Давида Самойлова не взяли: провалил экзамен по немецкому языку.

Вспоминает выпускник курсов военных переводчиков Лев Гаврилов:

„Процесс подготовки шел трудно. Отсутствовали какие-либо учебные пособия, а использовавшаяся военная хрестоматия, если и не была "времен очаковских", но содержала весьма устаревшие сведения времен первой мировой войны. Более того, самим преподавателям нужно было овладеть методикой военного перевода, а также обладать

хотя бы элементарными военными знаниями по организации и вооружению немецкой армии.“ [7]

В ноябре 1941 г. первые военные переводчики (в их числе и Павел) отправились на фронт. Коган назначается переводчиком, потом помощником начальника штаба стрелкового полка по разведке. Не знаю, вспоминал ли он свои юношеские стихи, насыщенные предвкушениями грядущих боёв. Но вот что он пишет в письме родным летом 1942 г.:

«Что писать о себе: жив, здоров, бодр, воюю... **Только здесь, на фронте, я понял, какая ослепительная, какая обаятельная вещь - жизнь.** Рядом со смертью это очень хорошо понимается...»

В популярной среди студентов ИФЛИ стенгазете «Комсомолия» Д. Самойлов поместил как-то эпиграмму на Когана:

«И ты остановишься, поражен.
Уронишь слезу, растроган.
Поэт, **безвредный, как боржом.**
Какой-то Павел Коган»

Не был Павел безвредным – безвредные не ходят в разведку. Возглавляемая Коганом разведгруппа была захвачена и расстреляна во время боёв за Новороссийск. Воинов похоронили на вершине «Сахарной Головы» в братской могиле, позже их перезахоронили в братскую могилу на городском кладбище.

Все известные мне стихи Павла написаны ДО войны. Писал ли он на войне? Или иначе: мог ли он НЕ писать? Или страшный мужской труд войны не оставил места романтике? При отправлении на фронт с Куйбышевского вокзала:

«Ребята спят на полу, умаялись. А я смотрю на «мальчиков из гуманитарных вузов», на лейтенантов Отечественной войны и почему-то именно поэтому думаю о том, что у меня хватит сил на все. **Ничего не пишу, а просто каждый день мой «сам» пишет книгу. Очень горькую и очень мужественную».**

Не знаю. Но и в том, что дошло до нас, отчётливо виден задорный мальчишка, неистовый юноша, воин и патриот, сын своего времени – времЯнин.

ВремЯнин

Существует интересный проэкт Михаила Эпштейна «Дар слова». Его тема - искусство создания новых слов и понятий, обновление лексики и грамматики русского языка, расширение моделей словообразования. Таким образом появляются новые слова, которых нет ни в одном словаре, «а между тем они

обозначают существенные явления и понятия, для которых в языке и общественном сознании еще не нашлось места»[8].

В числе многих новообразованных слов приводится также и это (далее цитируется источник):

времЯнин - обитатель, гражданин, патриот своего времени; тот, кто мыслит и чувствует категориями времени.

В существительных на «-анин, -янин» ударение может падать и на предпоследний слог (*крестьЯнин, горожАнин, россиЯнин*), и на последний слог (*мещанИн, гражданИн, славянИн*). В слове **времЯнин** предпочтительнее делать ударение на предпоследний слог, чтобы выделить цельную основу «время».

Как есть патриоты своей страны, так есть и патриоты своего времени - времЯне. Они любят свое время, гордятся им, свысока смотрят на другие времена, не завидуют ни предкам, ни потомкам. Как писал один из времЯн 1930-х годов поэт Павел Коган,

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчишки иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков...[8]

Патриоты своего времени... Но именно на них равнялись потомки: режиссер Театра на Таганке Юрий Любимов поставил в 1965 г. спектакль «Павшие и живые». В нем звучали произведения поэтов – фронтовиков: погибших и вернувшихся с войны. А ещё – песни о войне. Специально для этого спектакля Владимир Высоцкий написал песни «Братские могилы», «Звезды», «Мы вращаем землю», «Солдаты группы Центр». Кроме того, Владимир сыграл несколько ролей, в том числе и молодого поэта, добровольцем ушедшем на фронт... ВремЯнин Коган – время сдал! ВремЯнин Высоцкий – время принял!

Слово автору

Работа получилась пристрастная – но в этом и состояла цель! Здесь сознательно игнорируются сведения о семье Павла, не анализируются исторические реалии того времени и стихи его современников. Данная статья – не исследование и не обобщение: это мой ЛИЧНЫЙ взгляд на творчество человека, который, как и обещал, боролся и погиб за то, во что верил. В наш конформистский век – это немало, ведь так?

Что же для меня Коган? Мерило юности! Уже давно не мальчишка, но пока меня трогают его стихи – я молод. А Вы?

Литература

[1]. Все стихотворения (и отрывки из них), принадлежащие П.Когану, приведены по этому сборнику.

[2] Стихи Когана начали публиковать лишь со второй половины 1950-х годов, они вошли в ряд коллективных сборников (Имена на поверке, 1963; Сквозь время, 1964; До последнего дыхания: Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне, 1985, и др.), переведены на многие языки мира.

[3] Уже после написания этих строк наткнулся в Интернете на статью Льва Аннинского „Шарземцы“ в журнале „Дружба народов“, №11, 2005. —————

„ Почему Алексей Сурков околдовал поэзию “четырьмя шагами” своей незабываемой “Землянки”? Подсмотрел у Когана, учувшего эти четыре шага за пять лет до того? ...Подсмотреть — нет, но подслушать — сколько угодно! Вернее, услышать в открытую. Потому что студенты Литературного института буквально “обчитывали” друг друга и всех, кто соглашался слушать, — на семинарах, в коридорах, на поэтических вечерах, в “своем кругу” все знали всех — без публикаций. “Рукописные поэты друг друга знали назубок”, — сказал об этом Михаил Кульчицкий.“

[4] Г. С. Лепский — друг Павла Когана, автор мелодии песни „Бригантина“.

[5] Леонид Гаряев „Мои надежные товарищи“, журнал „Урал“, №5, 2002

[6] Строфы века. Антология русской поэзии. Минск-Москва, "Полифакт", 1995

[7] Лев Гаврилов „Родные братья разведчиков“

[8] [Дар слова. Проективный лексикон Михаила Эпштейна.](#)

—————
*

Вторая редакция статьи. 19-26.04.2012

© Евгений Вольфовский